

УДК 391/393

ББК 63.529 (253)

ПРИМЕТЫ И ПОВЕРЬЯ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ СЫНА В БУРЯТСКОЙ СЕМЬЕ

В. О. Очиров

В традиционном обществе бурят рождение сына являлось большим событием в жизни его родителей и всего рода. С его рождением укреплялись статус и положение его матери в семье мужа, а отец ребенка получал сына-наследника, что являлось одним из непереносимых условий определения его как настоящего мужчины, продолжателя рода. Ребенок мужского пола всегда ассоциировался с будущим семьи, рода, социума, поскольку счет поколений по традиции велся по мужской линии. Не случайно, что в старину у бурят существовали многочисленные народные приметы и поверья, по которым можно было определить пол ребенка до его рождения. Так, например, если на лице женщины на ранней стадии беременности наблюдались пигментные пятна, то считалось, что она носит мальчика. Часто приметы касались формы живота беременной: небольшой, высокий и угловатый — к появлению сына, большой, низкий и овальный — к появлению дочери. Обращали внимание на вкусовые предпочтения беременной, если ей хотелось кислое, острое, соленое, мясное, то, как правило, рождался сын, если же тянуло к сладкому, то дочь. В случаях, когда беременной женщине хотелось заниматься «мужскими» делами (например, прибивать молотком гвозди), то это расценивалось как верный знак того, что она носит мальчика [ПМА: 1]. Сны, которые видела беременная, также могли сигнализировать о том, кто родится в будущем, например, если беременная видела во сне нож, то такой сон предсказывал рождение мальчика. Упоминания о подобных приметах можно встретить в архивных материалах: «Если во сне от кого-нибудь получаешь хороший револьвер, ружье, топор, кинжал, саблю или самовар, то родится сын, который будет счастливым и доживет до глубокой старости. Если во сне дарят ножницы, серебро, это знак того, что родится дочь. В случае, если перечисленные инструменты будут во сне повреждены или сломаны, значит, младенец долго не проживет, это плохой сон [ГА РБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 16. Л. 8–8об.].

Существовало еще одно поверье, по которому предугадывали пол будущего ребенка: «У ленивой матери рождаются девочки, при ленивом отце — мальчики; если мать старательная, работающая женщина, она родит мальчика, а у трудолюбивых отцов рождаются, как правило, девочки» [ГА РБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 5. Л. 11об.].

Кроме этого, у бурят бытовало известное гадание по бараньим лодыжкам — «бросание *шагай*». Разные части бараньей лодыжки (*шагай*) имели свое название: *ноен*, *гэлшэ*, *бугшэ*, *тарай*. В зависимости от того, как падала баранья лодыжка, предсказывали, кто родится в будущем — сын или дочь [Басаева 1991: 66]. Подобные гадания по бараньим лодыжкам (калм. *шаха*¹) встречаются и у калмыков. С приходом в дом гостя ему преподносили отваренное мясо с бараньей лодыжкой. Гость съедал мясо, а *шаха* бросал на стол. Если кость падала гладкой стороной (*та*), то это указывало на то, что родится мальчик, а если же неровной (*али*), то девочка [Омакаева 1998: 101–106].

Роды у бурят принимала повитуха, при этом мужу в редких случаях разрешалось присутствовать на них, он помогал перерезать пуповину и пеленать ребенка [Басаева 1991: 61]. Вызывает интерес акт перерезания пуповины: выбор инструмента, которым она перерезалась, зависел от половой принадлежности родившегося ребенка. Пуповину мальчика, как правило, перерезали специальным ножом (*хуйхэ хундэхэ хотиго*) [Басаева 1991: 61], пуповину девочки — ножницами. Перерезание пуповины этими инструментами символизировало вступление ребенка в отношения, существующие между полами [Обряды в традиционной культуре бурят 2002: 52–53].

Однако у агинских бурят нож при обрезании пуповины ребенка не использовали, поскольку он являлся мужским атрибутом и его использование могло осквернить этот инструмент, поэтому во время родов при об-

¹ Лодыжки других животных имеют иные названия.

резании пуповины повитуха использовала исключительно ножницы [ПИМА: 2].

Как свидетельствуют материалы по культурам других народов, предметы, на которых отрезали пуповину, имели прямое отношение к будущему новорожденного. Так, у восточных славян пуповину мальчика отрезали на дубовой плахе или на топорщице, чтобы сын в будущем был крепок, лучше орудовал топором и был хорошим работником. Иногда пуповину мальчика отрезали на книге для того, чтобы впоследствии он был умным и грамотным. Девочкам же пуповину отрезали на гребне, чтобы в будущем она была умелой рукодельницей и хорошо пряла [Байбурин 1993: 42].

Таким образом, манипуляции с пуповиной имели важное ритуальное значение: они «программировали» будущую жизнь ребенка, способствовали его половой идентификации, а также готовили его к будущей жизни в социуме. Происходили первые контакты со сферами, в рамках которых должна была проходить семейная, общественная и хозяйственная жизнедеятельность мужчин и женщин.

Родившегося ребенка пеленали в старую отцовскую рубашу или штаны, которые должны были защитить младенца от злых духов, такое отмечается у балаганских, аларских и унгинских бурят [Обряды в традиционной культуре бурят 2002: 63]. Известны случаи, когда послед ребенка при захоронении обертывали в отцовские штаны [Хангалов 1960: 369–370]. У бильчирских бурят, если жена рожала в отсутствии мужа и роды проходили тяжело, роженицу полагалось бить штанами мужа, так как существовало поверье, что ребенок ждет возвращения домой отца [Хангалов 1960: 60]. Пеленание младенца в отцовскую одежду подчеркивало то, что он принадлежит роду отца. Подобные обряды встречались и у других народов: так, например, у саянских тюрков на роженицу бросали мужской пояс [Бутанаев, Монгуш 2005: 140]. У телеутов роженице после родов обматывали живот штанами мужа. Если же новорожденный сильно плакал, то на него сверху клали отцовские штаны [Алексеев 1980: 148].

Таким образом, у многих народов, в том числе и у бурят, считалось, что одежда отца в родильной обрядности обладает магической силой и служит оберегом для ребенка. К тому же она имела важное символическое значение в социализации младенца, в про-

цессе «очеловечивания», когда ребенок переходил из мира природы в мир культуры.

Иногда при рождении сына его отец поднимал ребенка над головой, этот жест символизировал то, что отец принимает ребенка в свою семью [ПИМА: 1]. Обычно в честь рождения ребенка устраивался пир, который сопровождался благопожеланиями и подарками. Мальчику обычно дарили мужские вещи: седло, лук со стрелами, нож. Рождение ребенка мужского пола встречалось более торжественно, об этом свидетельствует традиция колоть бычка (символ мужской силы, энергии, потенции, плодovitости) в случае рождения мальчика, если рождалась девочка — кололи барана, что исследователи связывали с солярным культом. [Николаева 2011: 280].

У бурят к колыбели привязывали мужские атрибуты в виде уменьшенных копий молотка, ножа или стрелы. Считалось, что все эти предметы оберегали новорожденного и защищали внутреннее пространство колыбели от злых духов. Стоит отметить, что колыбель у бурят передавалась по мужской линии («от родителей мужа»). У агинских бурят также существовал обычай привязывать к люльке новорожденного берцовую кость (во время захоронения последа), которая служила ему в качестве оберега. При этом имело значение, с какой стороны взяли кость барана: правую берцовую кость — если мальчик, левую берцовую — если девочка [Обряды в традиционной культуре бурят 2002: 71].

Во время обряда укладывания в колыбель ребенка нарекали именем. Имя ребенку мог дать уважаемый в семье пожилой человек, или *найжи-бабай* («покровитель в лице шамана, ламы»). Иногда ребенка называли по имени того человека, который первым войдет в дом его родителей после появления ребенка на свет. Но в целом выбор имени был весьма важным делом. Считалось, что имя оказывает воздействие на будущее человека, поэтому детям давали имена с положительным значением. Среди мужских имен были распространены такие имена, как Алдар («слава»), Баатар («богатырь»), Батлай («смелый»), Баян («богатый»), Тамир («энергия»), Золто («счастливый») и т. д. Давали имена, носящие характер благопожелания: Мэргэн («мудрый, меткий»), Сэсэн («умный»). Если ребенок часто болел, запрещалось называть его по имени, ему придумывали прозвище с негативным значением.

Бытовало суеверие, что злые духи не будут обращать внимание на ребенка с такими именами, как Ядагархан ('гнутой'), Табхагар ('плоский'), Дохолон ('хромой'), Муу хубуун ('плохой мальчик'), Улаан ('красный'); Сагаан ('белый') и др. Чтобы обмануть злых духов, использовались в качестве имен названия животных и птиц: Тугал ('теленка'), Булган ('соболь'), Бургэд ('орел, беркут'). Считалось, что такие имена, как *Батабулад* ('крепкая сталь'), Баташулуун ('твердый камень'), отпугивают злых духов. Суеверия послужили причиной того, что в семьях, где мало рождалось мальчиков, сыновьям давались женские имена [ПМА: 1]. Были распространены имена тибетского происхождения (Бимба, Буда, Галдан, Гарма, Ринчин, Содном и др.), обычно они давались ламами. Наряду с именем, данным ламой, ребенок имел и второе имя, которым его нарекали родители, родственники или уважаемые в семье люди. Христианизация и совместное проживание с русским населением способствовали распространению среди бурят русских имен, которые видоизменялись на бурятский лад, например, *Михаил* → *Михуули*, *Мяхуули*; *Василий* → *Баишила*, *Баили*, *Павел* → *Пайбал*. У бурят бытовало мнение, что имена, используемые в иноэтничной среде, например русской, являются чуждыми для бурят и с их помощью можно отпугивать духов.

В традиционной культуре бурят в мальчике видели отцовского наследника и продолжателя рода, именно дети мужского пола принимали эстафету у своих отцов, они в дальнейшем играли важную роль в воспроизводстве национальных традиций, обычаев

и заветов предков. Существование у бурят различных примет и преданий, связанных с рождением сына, обусловлено большим значением, придаваемом самому факту его появления в бурятской семье.

Полевой материал автора: информанты

1. Шойжолов Бато-Мунко Бадмаевич, 1936 г. р., уроженец с. Ширинга, Еравнинский район, Бурятия.
2. Тудунова Удомбра Очировна, 1935 г. р. уроженка с. Зугалай, Могойтский район, Бурятия.

Источники

Государственный архив Республики Бурятия (ГА РБ).

Литература

- Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.
- Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре (структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов). СПб.: Наука, 1993. 239 с.
- Басаева К. Д. Брак и семья у бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. 200 с.
- Николаева Д. А. Женское пространство в традиционной культуре бурят: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 520 с.
- Обряды в традиционной культуре бурят / отв. ред. Т. Д. Скрынникова. М.: Вост. лит., 2002. 222 с.
- Омакаева Э. У. Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // ALTAICA II. М.: Ин-т ИВ РАН, 1998. Вып. 2. С. 101–106.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3-х тт. Т. III. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 421 с.